

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Время новостей —
2000. — 9 нояб. —
с. 7.

Всем царям государь

Леонид Парфенов славно обустроился в «Российской империи»

Премьера трех первых серий проекта «Российская империя» обошлась без неожиданностей. Канон историко-культурных программ НТВ незыблем. Ленин и Пушкин, «Семнадцать мгновений весны» и постдесталинский СССР, Набоков и Андропов сервируются по одной рецептуре: триумф чутко сдвигается («все сложнее»); произвольно монтируются «вкусные» эпизоды; позицию главного героя занимает «культовый» ведущий.

Три вечера зрители наблюдали не столько за Петром I (две серии), Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной (серия третья), сколько за тысячеискусником Леонидом Парфеновым. Он плывал на надувной лодочке по Яузе (от Преображенского до Кукуя), ездил в малолитражке по Голландии, скакал на лошади, лазал по дворцовым крышам и крепостным стенам, палил из пушки, пил пиво под Полтавой и минеральную воду на бельгийском курорте, раскуривал трубку в Лондоне, подходил к газетному киоску в Берлине, оживлял пейзажи и архитектурные ансамбли Латвии (дворцы Бирона), Польши (крепость Кольберг, взятая русскими войсками в Семилетнюю войну) и Италии (в Неаполе скрывался царевич Алексей, а Везувий всегда хорош). непонятно, почему он миновал Париж (Петр посещал), Стокгольм (Карл XII был главным петровским супостатом), Стамбул (с турками мы тоже воевали), остров Ява (туда плавали корабли Ост-Индской компании, на верфях которой вкалывал царь-плотник) и луну, на которую Петр наверняка смотрел в телескоп. Впрочем, впереди пятнадцать серий, то есть тьма-тьмущая контактов Российской империи с иными народами и государствами, так что есть шанс увидеть Парфенова в Версале, Хельсинки, Иокогаме, Вене, Сан-Франциско, Пекине, на Аляске, Мальте и острове Святой Елены...

Событийная пестрота стоит географической: моды и войны, заводы и амуры, казни и яства, европейская политика и царские потехи — и все ровнем-гладнем, на одной быстрой и ироничной интонации. Кадры из советских исторических фильмов, старинные гравюры, смешные мультяшки, цитаты из современников и историков, многозначительно изрекаемые Аллой Демидовой, натурные съемки и... Парфенов, Парфенов, Парфенов. Умный такой. Независимый, ироничный. Дивящийся чудесам и тонко намекающий: ничего-то у нас в России не меняется, сплошная кунсткамера.

Но если мыслить историю свалкой курьезов, набором красивых картинок и диковатых анекдотов, то вопросы о смысле происходящего, о развилках и альтернативах исторического движения, о потерях и обретениях отпадают сами собой. Всякий экспонат кунсткамеры сам по себе любопытен (чаще ужасен, иногда прекрасен) и случаен. Случайно Петр сменил южное направление российской экспансии на северное. А что с 1710 года вновь с Турцией воевали, что понесло Петра в злосчастный Прутский поход, что на Каспии Россия утвердилась — тоже случайности? Может, была все же какая-то логика в общеевропейской военно-политической игре? И Петр при всем его самодурстве как-то ее учитывал? Да нет — просто чудесил. Вот при Елизавете тоже зачем-то в Семилетнюю войну вляпались. Аж Берлин взяли. А потом Петр III заключил мир с обожаемым им Фридрихом Великим, и все победы прахом пошлы. Парфенов посмеивается над русской дурью. Но либо нужно было России отстаивать свои интересы в Восточной Европе (не все равно, кто в Польше станет королем и насколько усилится Пруссия), либо следовало ей крепить союз с Пруссией. Не в том дело, что «правильнее», а в том, что оценивать обе стратегии одинаково

вой ухмылкой — значит превращать историю в фарс.

Фарс нам три вечера и показывали. С чего это вдруг забунтовали летом 1698 года стрельцы? Почему народ почитал Петра антихристом? Чем было в реальности «дело царевича Алексея»? Парфенов либо не ставит этих, ключевых для Петрова царствования, вопросов, либо отвечает так, что лучше бы молчал. Петр, дескать, различал веру (был набожен) и церковь, а потому видеть в переплавке колоколов на пушки и уничтожении патриаршества нечто серьезное могли либо темные враги преобразователя, либо советские историки-атеисты. О том же, что для русского человека рубежа XVII—XVIII веков такое различие (а следовательно и все Петровы новины, безжалостно крушащие национально-религиозный уклад) были кошмаром и кошунством, ироничному ведущему невдомек. Парфенов бодро рапортует: заговора царевича Алексея не было (известна эта «новость» лет эдак 150), были разговоры. А что за разговоры? Почему политика Петра вызвала неприязнь отнюдь не у тупых защитников старины? Догадаться, кто умный. Вроде бы, посмеиваясь над «петровским мифом», Парфенов ни слова не говорит о том, что вестернизация в России началась до Петра, что спор шел о путях и методах усвоения европейского опыта, что потаенные эти дискуссии подводили к альтернативе: чистое «самодержавство» или расширение прав аристократии. Важнейшее событие послепетровской эпохи — «затейка верховников», попытка ограничить самодержавие при восхождении на престол Анны Иоанновны — обращено в анекдот. Анна взяла да разорвала «кондиции». А что этому предшествовала борьба политических группировок, что, обрекая небытию наметившуюся «олигархию», Анна действовала по заветам Петра, что идеологически обеспечивали ее «самодержавство» «птен-

цы гнезда Петрова» (Феофан Прокопович, Татищев, Кантемир) — дело десятое. Зато императрицу можно назвать «беспутной». Почему? Позднейший устойчивый миф о «немецком засилье» (бироновщине) Парфенов опровергает (а Бирона даже хвалит за заслуги в становлении отечественного коневодства). О погибели «верховников» не печалится. Но раз так, то следует признать, что Анна грамотно продолжала дело дядюшки: «Остерман и Миних «...» действовали неумолимо и с успехом блестящим: первый возвратил России ее знаменитость в государственной системе европейской — цель усилил Петровых; Миних исправил, оживил воинские учреждения и давал нам победы» (Карамзин). Так нет же: как не было ни Миниха, ни Остермана, ни международных успехов, ни Тайной канцелярии (действовавшей вполне по-петровски) — была только шутовская свадьба в Ледяном доме. Бесчеловечная забава, кстати, тоже в Петровом духе. Варварство осуждено. Ледяной дом даже дает повод порассуждать об эфемерности российской величия: вчера сияло — сегодня растаяло. Но прежде со вкусом нам показывали сегодняшнее (для фильма!) возведение «чуда»: Парфенов азартно пилил ледяные бруски, оглаживал ледяную мебель и поджигал ледяные (нефтью смазанные) поленья. Сперва поиграемся — потом сделаем «благородное лицо».

Мало-мальски сведущий в отечественной истории зритель парфеновские экзерсизы всерьез воспринять не может. Зритель простодушный забудет их, выключив телевизор (слишком пестр визуальный ряд, слишком слабо связаны «аттракционы»). Но тот и другой запомнят умника новейшей формации. Его всезнайство, его шуточки, его снисхождение к смешным варварам. Главное в кунсткамере — это экскурсовод.

Андрей НЕМЗЕР